

Ючко Ольга Леонидовна

магистрант

Мозырский государственный педагогический

университет имени И.П. Шамякина, Мозырь

e-mail: o.yuchko@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ КОНФЛИКТОГЕННОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: В статье анализируются слова, выполняющие роль конфликтогенных номинаций в процессе общения литературных персонажей. На материале произведения Н.В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» описывается динамика вербального конфликта, дается характеристика ключевых оценочных номинаций этого текста в процессе проведения занятий по русскому языку как иностранному для магистрантов-филологов.

Ключевые слова: конфликт, конфликтогенная лексика, вербальная агрессия, оценочность, стилистическая окраска, фразеологизмы, слова-зоонимы.

Yuchko Olga

Master degree candidate

Shamyakin Mozyr State Pedagogical University, Mozyr

e-mail: o.yuchko@mail.ru

STUDY OF CONFLICTOGENIC VOCABULARY DURING RUSSIAN LANGUAGE LESSONS AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract: *The article analyzes the words that play the role of conflict-related nominations in the process of communication between literary characters. The work of N.V. Gogol «The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforovich» shows the dynamics of a verbal conflict, gives a description of the key evaluation nominations of this work in the process of conducting Russian language classes as a foreign language for undergraduate philologists.*

Keywords: *conflict, conflictogenic vocabulary, verbal aggression, estimation, stylistic coloring, phraseologisms, zoonyms.*

Изучение русского языка иностранными студентами предполагает не только усвоение ими знаний, связанных с языком как определенной иерархически организованной системой, но и выработку представлений о языке как средстве коммуникации, направленной (применительно к диалогической речи) на достижение взаимопонимания. Вместе с тем нельзя не обращать внимание студентов-иностранцев (прежде всего – филологов) на причины возникновения конфликтных ситуаций в результате использования говорящими специфической конфликтогенной лексики, или «конфликтного вербального компонента» [1, с. 97]. Ознакомление студентов с этой группой слов русского языка целесообразно начать с выяснения сущности конфликта, который понимается как «столкновение противоположных сторон, мнений, сил; серьезное разногласие» [2, с. 96] и определения основных видов конфликтов: внутличностных, межличностных, межгрупповых, между личностью и группой.

Дальнейшее построение занятий по русскому языку как иностранному по названной теме (для магистрантов специальности «Русская филология») целесообразно проводить с опорой на анализ того или иного художественного текста, например, гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». При этом во вступительном слове преподавателя в форме беседы освещаются вопросы, связанные с общей характеристикой творчества Н.В. Гоголя, социальной направленностью его произведений, содержание которых уже известно иностранным магистрантам-филологам («Мертвые души», «Ревизор» и «Тарас Бульба»). Обосновывая выбор для рассмотрения лингвистической природы конфликта «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», преподаватель обращает внимание, с одной стороны, на сатирический характер этого текста, а с другой – на мастерство Гоголя в изображении глупости и невежества двух провинциальных помещиков, самолюбие и ограниченность которых не позволяют им найти выход из простой конфликтной ситуации. Противостояние героев повести носит деструктивный характер, поскольку участники конфликта проявляют такие поведенческие черты, как мстительность, отсутствие стремления к сотрудничеству, представление об оппоненте как о «враге», полное прекращение взаимодействия с противоположной стороной, неспособность к компромиссу.

Выделив в рассматриваемом художественном тексте несколько фрагментов, значимых для рассмотрения условий зарождения и проявления конфликта, отметим в каждом из них «ключевые» слова, служащие основой развития сюжета.

В начале повести оба героя характеризуются автором как исключительно положительные персонажи (*Прекрасный человек Иван Иванович; Очень хороший также человек Иван Никифорович*) и как неразлучные друзья: *Они такие между собою приятели, каких свет не производил; Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам черт связал веревочкой*. Далее, однако, Гоголь замечает, что *эти редкие друзья не совсем были сходны между собою*, и эти различия касаются, главным образом, не их внешности (*Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину*), а внутренних качеств, в первую очередь (и на это, естественно, нужно обратить внимание студентов), связанных с их речевым поведением: *Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно; Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы...* Следующий фрагмент «Повести...» дает наглядное представление не только о речевых предпочтениях персонажей, но и о реакции одного из них на непозволительные «словесные вольности» своего приятеля: *Иван Иванович чрезвычайно тонкий человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его; Иван Никифорович иногда не обережется; тогда обыкновенно Иван Иванович встает с места и говорит: «Довольно, довольно, Иван Никифорович; лучше скорее на солнце, чем говорить такие богопротивные слова».*

Из приведенного материала несложно сделать вывод о том, что Н.В. Гоголь неявно, осторожно подготавливает читателей к непосредственному знакомству с «прекрасными людьми» Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, имеющими определенные отличительные особенности.

Ключевой в гоголевской «Повести...» является вторая глава, в которой представлена «анатомия» конфликта двух главных персонажей. Завязкой конфликтной

ситуации послужило безобидное желание Ивана Ивановича выпросить у своего соседа и давнего приятеля Ивана Никифоровича старинное ружье. Обращаем внимание на то, что разговору о ружье предшествует показательный обмен «любезностями» между друзьями, в течение которого Иван Иванович в очередной раз пытается «скорректировать» речевое поведение собеседника, который не понимает причины такой реакции: – *Хорошее время сегодня. – Не хвалите, Иван Иванович. Чтоб его черт взял! Некуда деваться от жару. – Вот-таки нужно помянуть черта. Эй, Иван Никифорович! Вы вспомните мое слово, да уже будет поздно: достанется вам на том свете за богопротивные слова. – Чем же я обидел вас, Иван Иванович? Я не тронул ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чем я вас обидел.*

«Преддверием» конфликта эту дружескую перепалку назвать еще нельзя, но она, тем не менее, уже создает некоторую напряженность в общении приятелей, причем потенциально конфликтогенными являются высказывания «красноречивого» Ивана Ивановича, который явно иронизирует по поводу намерений Ивана Никифоровича использовать ружье по прямому назначению – для стрельбы: *Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по втором пришествии. Вы, сколько я знаю и другие запомнят, ни одной еще утки не убили, да и ваша натура не так уже господом богом устроена, чтоб стрелять. Вы имеете осанку и фигуру важную. Как же вам таскаться по болотам, когда ваше платье, которое не во всякой речи прилично назвать по имени, проветривается и теперь еще, что же тогда?* В приведенном фрагменте заслуживает лингвокультурологического комментария выражение *по втором пришествии* «очень долго, до бесконечности» и определительное предложение (*которое не во всякой речи прилично назвать по имени*) к слову *платье* (одежда Ивана Никифоровича): очевидно, что Иван Иванович, витиевато выражаясь и используя «высокую» церковно-религиозную лексику, фактически противопоставляет себе своего собеседника, ставя его на более низкую (по сравнению с собой) ступень.

Усугубляет вербальный конфликт между двумя провинциальными помещиками введение в повествование образа свиньи, которую Иван Иванович предлагает собеседнику в обмен на ружье. Иван Никифорович на это предложение реагирует отрицательно, используя (в свойственной для него манере) неприемлемое для Ивана Ивановича слово *черт*: – *Я вам дам за него бурую свинью, ту самую, что я откормил в хлеву. Славная свинья! – Я не знаю, как вы, Иван Иванович, можете это говорить, на что мне свинья ваша? Разве черту поминки делать. – Опять! без черта-таки нельзя обойтись! Грех вам, ей-богу, грех, Иван Никифорович!*

Указываем на наличие в русской разговорной речи у слова *свинья* переносных оценочных значений «грязный, неопрятный человек»; «грубый, неблагодарный, низкий человек» и объясняем иностранным магистрантам лингвокультурологическое содержание термина *поминки* «коллективная трапеза в память об умершем».

Усложняя набирающий обороты конфликт, который приобретает черты вербальной агрессии, Иван Никифорович пытается «развенчать» образованность Ивана Ивановича, сравнивая его поведение с поступками недоросля (*недоросль* «молодой дворянин, не достигший совершеннолетия»), что, естественно, не может не унижать мужского самолюбия дворянина: *Мне странно, Иван Иванович: вы, кажется, человек, известный ученостью, а говорите, как недоросль.* В дальнейшем теряющий самообладание Иван Никифорович (после очередного предложения своего соседа

поменять ружье на свинью) употребляет очень грубое выражение, унижающее и человеческое, и христианское достоинство Ивана Ивановича: *Поцелуйтесь со своею свиньею, а коли не хотите, так с чертом!* Возмущенная и гневная реакция собеседника следует незамедлительно: *О! вас зацепи только! Увидите: нашпигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова. После разговора с вами нужно и лицо и руки умыть, и самому окуриться.*

В заключительной части второй главы повести вербальная агрессия достигает своего апогея, поскольку Иван Иванович характеризует позицию собеседника с помощью стилистически сниженного фразеологизма *носиться как дурень с писаной торбой* «придавать преувеличенное значение какой-то мелочи» (*Вы, Иван Никифорович, разносились так со своим ружьем, как дурень с писаною торбою*), а Иван Никифорович употребляет «роковое» для отношений двух героев негативно оценочное слово *гусак*: *А вы, Иван Иванович, настоящий гусак*. Очевидно, что роль «спускового механизма» сыграло в данном случае употребленное Иваном Ивановичем в адрес Ивана Никифоровича просторечное устойчивое словосочетание *как дурень с писаною торбою*, ключевой компонент которого – слово *дурень* – не может не оцениваться как оскорбление, хотя и использованное в не прямой форме. Иван Никифорович, как уже отмечалось, употребляет, в отличие от собеседника, прямое оскорбление в его адрес, вызвавшее возмущенную реакцию Ивана Ивановича: *Как же вы смели, сударь, позабыв и приличие, и уважение к чину и фамилии человека, обесчестить таким поносным именем? Я повторяю, как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?*

Как известно, слова-зоонимы, к числу которых принадлежит и номинация *гусак*, регулярно реализуют переносные негативно оценочные значения (*лиса* «хитрый», *осел* «глупый», *медведь* «неуклюжий» и др.). Рассматриваемое же конфликтогенное слово зафиксировано в словарях русского языка только в прямом значении «гусь-самец». Однако в русских народных говорах слово *гусак* встречается как негативно-оценочная характеристика человека по внешнему виду – «прозвище не по возрасту высокого мальчика» [3, с. 240], но наибольший интерес представляют отраженные в Национальном корпусе русского языка [4] контексты, иллюстрирующие такие «поведенческие» черты гусака, как глупость, ограниченность, высокомерность, агрессивность, раздражительность: *Теперь Чехов писал в рецензии: «Иванов-Козельский шипит, как глупый деревенский гусак»* (Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир 1962); *Он вспомнил, как идя этой же дорожкой, встречал гусей соседки и подолгу не мог пройти мимо – вытягивая шею, наперерез топал гусак, пакостная птица* (З. Прилепин. Санька, 2006); *То, что жеребенок наклонился к гусыне, страшно не понравилось одному гусаку, который, вытянув шею, как змея, ринулся на жеребенка* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема); *Чубатый голландский гусак высокомерно скопился на хромавшего мимо Григория* (М.А. Шолохов. Тихий Дон); *Когда Федор, отыграв свое, уходил со сцены, режиссер набрасывался на него и шипел, как разгневанный гусак* (В. Шукшин. Артист Федор Грай).

Приведенный материал наглядно иллюстрирует наличие в слове *гусак*, употребленном в качестве характеризующей номинации в условиях развивающегося конфликта, ряда имплицитных сем, связанных в сознании носителей языка с негативными представлениями о человеке. Учёт подобных «тонкостей», которые могут возникнуть в процессе общения, чрезвычайно важен прежде всего для иностранных магистрантов-филологов, изучающих русский язык углубленно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хроменков, П.Н. Вербальный конфликт в русском сказочном фольклоре / Н. П. Хроменков // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016. – № 3. – С. 97–105.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз. – Т. 2: К–О. – 1982. – 736 с.
3. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Выпуск седьмой. – Изд-во «Наука», Ленингр. отд-ние, 1972. – 355 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 10.02.2020.